

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 9

СОЛОУХИН: СЛОВО И МИР
ознакомительный фрагмент

Омск 2019

В девятом томе Сочинений Игоря Петракова Вам предстоит знакомство с книгой, посвященной жизни и творчеству Владимира Солоухина, известного русского писателя и публициста.

Содержание:

Введение. Вечность и мир Владимира Солоухина.

Биография писателя. История критики.

О мире. Пространственно-временные координаты прозы и поэзии Солоухина.

    Село.

    Город.

    Юг.

О родине.

О любви.

О хлебе насущном.

О смешном.

О современности.

Библиография.

Введение. Вечность и мир Владимира Солоухина.

Мастер слова и пера –
Не решает он примеры.
Выдает он на гора
Литераторские перлы.
Он в архивах, в институтах
Пропадает день-деньской,
Делая литературу
Совершеннее порой.
Его знания бесценны.
В век компьютерных идей.
Его труд большой, безмерный
Пригодится для людей.

Из послания Олеси Цикальчук автору.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о нашей Родине довелось мне приступить к этой работе, посвященной изучению творчества русского писателя Владимира Солоухина. Помните, как другой, не менее известный, писатель, Владимир Набоков, в своем рассказе "Истребление тиранов" вывел замечательную литературную формулу, с помощью которой можно было бы прогнать образ тирана, захватившего страну, из сознания? Эту формулу-заклинание, заговор вспоминаю я, когда говорю о Владимире Солоухине.

Несмотря на то, что творчество Солоухина подчеркнуто не абстрактно, не отвлеченно, не возводимо к известным символам, есть в нем та естественность выражения, которая требуется от любого русского писателя, хорошо знакомого с языком нации.

Ну удивительно, что сейчас Солоухин как будто возвращается. Возвращается - в виде книг, в виде работ исследователей о нем. В виде тех же экскурсий в родное село писателя - Алепино. Эта работа является продолжением возвращения к творчеству писателя.

Удивительно, но многие ныне не знают о Солоухине. О том, что был такой русский поэт и писатель. Им ближе Хлебниковы, Белые и Несмеловы. Они понимают их лучше.

А ведь с Солоухиным связан целый период в развитии русской национальной литературы.

Он известен как автор лирических автобиографических повестей. Среди них - проникновенные "Владимирские проселки", необычайно глубокая повесть "Капля росы", экзотический "Терновник", драматический "Приговор". "Владимирские проселки", "Капля росы", "Терновник", очерки о природе "Третья охота" и "Григоровы острова" до сих пор остаются непревзойденными в своем жанре.

Есть у него и повесть о превратностях любви, которые подстерегают влюбленных - "Мать-и-мачеха". В этой повести также можно найти следы биографии самого писателя.

Кроме того, Солоухин пишет три повести о явлениях окружающего мира. "Третья охота" - о сборе грибов, "Григоровы острова" - о ловле рыбы и "Трава" - разумеется, о траве.

Солоухин - не только отличный прозаик, но и интересный лирический поэт¹. Правда, большая часть его стихов плоска и слаба, куда им до поэзии серебряного века..

Возможно, некоторых удивит стиль данной книги. В самом деле, замечания автора словно перемежаются пространными выдержками из произведений Солоухина. Но ведь и сам Солоухин использовал этот "прием". В своем очерке "Чаша", например, где писатель находится в постоянных поисках правды. Не "реальности", а именно правды.

Итак, Солоухин дал нам в наследство удивительные произведения, проникнутые любовью к родной земле. На первом плане в произведениях Солоухина - любовь к родному дому, родному селу, Владимирской стороне, и даже .. стране. Это чувство определяет самый жанр его произведений. Чаще всего это до предела искренняя исповедь - воспоминание.

Именно с родиной связаны все сколько-нибудь значимые для писателя вещи.

Задача исследования была - выразительно, доступно для читателя рассказать о прозе и поэзии Солоухина, о том мире, который открывается нам в его произведениях.

Еще одна задача - привлечь внимание научных ребят к современности высказываний и сюжетов Солоухина. Отдельная задача - в главе "О современности", в которой мы размышляем о том, как бы отозвался писатель о происходящих сегодня процессах.

"Писатели, наверное, как горные вершины: одна из них повыше, другая пониже, одна проще, другая посложнее. Все вместе — горная страна. В горах нашей жизни Владимир Солоухин — одна из самых высоких вершин. По крайней мере, для меня", - пишет А. Кузнецов. Для исследователей, пишущих о Солоухине, чаще всего талант его несомненен. Он проявляется в том, что жизнь человека и писателя становится "заразительной" для его читателя. "Солоухин закладывает у себя в деревне сад, я читаю об этом и ловлю себя на том, что и мне уже хочется копать ямы, ездить в плодовые питомники, выбирать там молодые яблоньки. Солоухин едет на зимнюю рыбалку — а я вдруг начинаю думать: «Где-то и у меня были валенки, ватные штаны, зимние удочки, надо бы съездить!»"

О том же пишет Татьяна Копаева: "Давным - давно, ...лет тридцать назад ехала я в пригородной электричке и читала книгу. За окном мелькали унылые и однообразные зимние пейзажи. Книга была необычной и оказалась очень увлекательной: по мере того как продвигалось чтение, мною всё больше и больше овладевало нетерпение - хотелось выйти на первой же остановке и углубиться в лес...

"Грибы основательно изучены. [В рукописи у меня было: «Грибы теперь досконально изучены». Когда «Третья охота» публиковалась в журнале, редакторы уговорили меня без труда, конечно, смягчить формулировку. Но даже и в этом смягченном виде мое утверждение вызвало большое количество согласных между собой, но несогласных с моим утверждением читательских мнений. Вот хотя бы одно из них: «Не могу не возразить против оптимистического утверждения, что „грибы сейчас основательно изучены“. Чтение литературы оставляет обратное впечатление. Правда, встречается много любопытных утверждений, что козляк, мокруха еловая и рядовка фиолетовая – грибы-антибиотики; что переченый груздь – средство от туберкулеза; что некоторые виды грибов задерживают рост раковой опухоли (исследования японских ученых); что с помощью навозника лечат алкоголизм (опыт чехословацких врачей); что профессор Введенский, как утверждает А. Молодчиков в своей книжке „В мире грибов“, считал красный мухомор прекрасным белым грибом и, вымочив его в уксусе, с аппетитом употреблял без вреда для здоровья... Все это занятно, но я не решусь ни испробовать мухомор, ни рекомендовать кому-либо от запоя серый навозник"]. Так произошло моё первое знакомство с этой книгой, которая перевернула мою жизнь. Ну, может быть не всю жизнь, но часть моей жизни действительно занимают герои этой книги. С той поры утекло уже много лет и я теперь и сама знаю о грибах немало, ну, конечно, с Владимиром Солоухиным не сравниться, но тоже хожу по лесам и собираю

---

¹ Солоухин называл себя поэтом. И ревностно относился к достижениям других. Когда ему говорили (к примеру), что Иосиф Бродский – гениальный поэт, он сразу требовал: “Строфу наизусть”. Молчание и растерянность. “Строку наизусть”, – продолжал требовать он. Тишина.

грибы. Понабрав всяких "грибных книжек" пытаюсь разобраться в лесу со всеми встречаемыми мною грибами: кто такой и с чем его едят.

Теперь я знаю, что есть съедобные виды мухоморов, которые достаточно вкусны и пикантны, что не так уж и безобидны сыроежки, потому что под них маскируется самый страшный и коварный гриб - бледная поганка и ещё много всего разного.

Знаю как засолить грибы, что бы они не только услаждали вкус, обоняние, но и были приятны взору: белые грузди, чёрные; кирпичного цвета паутинники, фиолетовые рядовки, зеленушки, которые чем больше варишь, тем они ярче и зеленее становятся... Уже давно для меня самое лучшее время года - осень"².

Собственно природу Солоухин всегда рассматривает в связи с человеком. Он может не только преобразовывать пространство, но и смиренно - повторяю, смиренно - пользоваться ее дарами.

В "Камешках на ладони" Солоухин замечает, что лучшие картины, изображающие природу, всегда имеют черту человеческой деятельности: прясло, мостик, тропинку, церковный крестик. Все это приметы милой Солоухину Родины.

Заметим, что мир природы у Солоухина развернут в будущее, и важность и величие человека определяются, прежде всего, тем, как он этому величию природы соответствует. Солоухин прямо не говорит о Создателе. Но подразумевается, что за подкладкой этой великолепной ткани, словно окружающей существование человека, скрывается разумное начало. Вспомним рассказ из "Камешков на ладони", в котором Солоухин сравнивает человека с муравьем, взобравшимся на обшивку печи. Если муравей полагает, что печь возникла сама собой, в силу каких-то "естественных" причин, то человек так же может обманываться, полагая, что мир, в котором он существует, возник по некому произволу.

Если человек самовольно удаляется от этого мира, это не приводит к добру.

О том, как далек, вернее, о том, как удалил себя человек от природы, с грустью пишет Солоухин в "Камешках на ладони" и в своих стихотворениях. В одном из них от поэта бегут лиса, зайчик и еж. При этом в их глазах читается суеверный ужас. Накрепко, видно, отвратил от себя человек обитателей леса..

По мнению Солоухина, в природе человек может наблюдать порядок, или гармонию. По его словам, природа не враждебна к человеку. Это доказывает тот факт, как быстро привыкают к хорошему отношению с ними ежи, белки, другие представители флоры и фауны.

И только сам человек своим безобразным поведением может отвратить их от себя. Когда человек становится охотником, все живое в природе начинает испытывать страх перед ним. живности: лебедям и волкам, слонам и барсам, орлам и лисам, ястребам и журавлям?

Причем часто ведь охотился он не потому, что это было в самом деле необходимо, а больше для собственного азарта, собственного развлечения.

"С одним человеком мы шли однажды по земле. У человека было ружье. Вдруг с дерева вспорхнула шумная птица. Мой спутник проворно выстрелил, птица, мягко, но громко шлепнувшись, упала на землю.

— Зачем она тебе?

— Ни зачем.

— Зачем ты ее убил?

— А чего она летает?

Через некоторое время на дереве мы увидели белку. Не успел я ничего сделать, как ружье снова выстрелило.. зверек запрокинулся на ветке и, некоторое время покачавшись на одной лапке, полетел вниз.

---

² Среди современных трактовок творчества писателя есть и такая:

"Владимир Солоухин на примере создания П.Д.Кориным картины «Русь уходящая» показал трагедию творческой личности в условиях тоталитарного общества". Так, фигура борца с тоталитарностью отождествляется с профилем писателя.

— Зачем ты ее убил?

— А чего она бежит?"

Безсмысленность поступков этого "охотника" очевидна писателю. Такой пресыщенный, сытый, довольный гражданин, вооруженный двухстволкой, никакой пользы для природы не принесет.

Человек в произведениях Солоухина не всегда ведет себя благородно по отношению к природе. Он часто использует ее богатства варварски. Часто обманывает животных, например, в одном из стихотворений - охотник обманывает лося. Также расставляет капканы..

Солоухин приводит случай, когда один смекалистый старик ловил рыбу, сидя на плотине. Та плотина разделяла пруды. Карпы стремились из нижнего пруда перепрыгнуть в верхний. "Выпрыгнет свечкой, оттолкнется от плотины и шлепнется в воду уже в другом пруду. Старик устроился с кошелкой на этой своеобразной коммуникации. Но после того как три карпа оказались в сумке, он заметил, что переселение приостановилось. Не слыша всплесков от предыдущих карпов, остальные перестали выпрыгивать. Тогда старик, кладя очередного карпа в сумку, бросал в воду камень, чтобы произвести всплеск. Карпы обманулись, и дело пошло".

К животным и рыбами писатель относится как к тварям, созданным не зря, а с определенной целью. Бездумное, бессмысленное, жестокое обращение с животными не поощряется Солоухиным.

Иногда он испытывает сочувствие и жалость даже к рыбам.

"Карпа, оказавшегося на мостках, сильно прижимаешь к доскам, - рассказывает он о своем рыбацком опыте", - и начинаешь извлекать из мускулистого и жирного рта крючок. Хорошо, если он зацепился за край губы. Да и то в губе есть какие-то кости или хрящи, которые никак не дают освободить крючок безболезненно и легко. Дергаешь, расшатываешь его, стараясь расширить отверстие, которое он проделал в живом мясе. Карп смотрит на тебя обезумевшим, вылезаящим из орбит глазом и даже не дергается, словно понимая, что чем он будет неподвижнее, тем скорее окончится пытка".

Живописный портрет карпа в этом эпизоде напоминает нам рисунок кота, который закатывал свои мученические глаза в эпилоге романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита" или о лягушке из "Роковых яиц".

Барашка, белая барашка становится центральным персонажем рассказа Солоухина "Коська". В рассказе героине посоветовали купить ягненка, барашка. "Теперь весна, травка. К осени барашек вырастет, и у них будет много мяса. Сказано — сделано. Барашка купили и нарекли его Костькой, а получалось, когда звали вслух — Коська.

Коська рос не по дням, а по часам. Пока Мария Львовна стучала на машинке в конторе, дети играли с барашком, и вскоре он стал у них как член семьи, О том, чтобы зарезать Коську, не могло быть и речи. Так и не получилось бизнеса у Марии Львовны с сыновьями".

Итак, на одном конце - барашек как член семьи, на другом - бездумное, бессмысленное уничтожение животных человеком..

И ведь животные это проявляющие чудеса сообразительности! Так, в рассказе "Приспособился" описан поросенок, которого хотели покормить горячей картошкой -

"Он, шельмец, горячую картошку в рот возьмет, в зубах ее зажмет и шумно дышит: «Хы-а, хы-а, хы-а... » Остудит картошину, а потом ее уже и ест. Приспособился к суровой действительности".

О бережном отношении к природе пишет Солоухин в очерке "Сосьвинские мотивы".

"Быть богатым — не значит быть расточительным. Из кладовой природы надо бы брать столько, чтобы она не скудела. А у нас на протяжении десятилетий один только лозунг был: давай, давай, давай! Черпаем пригоршнями, торопливо, как будто дорвались до чужих сокровищ и задача — как можно больше и как можно скорее нахватать.

Это не только рыбы касается. А с лесом — разве не так? Руби, вали, выполняй план. А то, что третья часть древесины остается невывезенной, а также в виде верхушек". О том же речь идет во "Владимирских проселках", когда писатель говорит о лесхозах и леспромхозах. По словам Ольги Дворниковой, отношение к природе у Солоухина – критерий человеческой нравственности:

Имеющий в руках цветы
Плохого совершить не может.

И тот, кто познал радость творчества, вряд ли совершат преступление против слова, а значит, и против мира. И против человека, который каким-то образом связан с миром..

В одном человеке (если только он человек)
Прошедших туманных веков
И грядущих туманных веков
В узел связаны нити, –
Не оборвите!

Чувство Родины, по Солоухину, есть чувство родной природы и чувство родного народа, то есть всего созданного им за вековую историю. Так пишет он в очерке "Родная красота". По мнению Солоухина, природа исцелила Аксакова. "Или скажем осторожнее - среди природы, на лесной поляне, в тени деревьев, где цветы и родниковая вода, под небесным синим пологом произошел изначальный толчок исцеления, начался процесс исцеления будущего чудесного певца природы". В общее и глубокое чувство любви к отечеству входит, по словам писателя, составной частью любовь к земле, к ее лугам, озерам, лесам.

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Такое стихотворение приводит писатель, говоря о чувстве любви к природе Аксакова - в очерке "Аксаковские места".

Итак, писатель не может оставаться равнодушным к природе родной страны. Причем не просто природе как к отвлеченному понятию. К природе, как сфере бытия, связанной с самим существованием человека. И свой творческий путь Солоухин определил так: " .. я могу сказать только, что я шел по земной, вьющейся меж деревьев и трав незамысловатой, но - хочется верить - своей тропе".

Лирический герой Солоухина чувствует удивительную ностальгию по своей земле - когда в один миг видит ее с высоты птичьего полета:

Гляжу я вниз, в окошечко, на землю.
Лесок — как мох.
Река в лесу — как нитка.
Среди поляны точка —
Человечек!
Быть может, он лежит, раскинув руки,

И смотрит вверх.
И кажется красивой
Ему сейчас заманчивая синь.

— Хочу туда. Хочу скорей на землю!
— Постой. Сейчас поднимемся повыше.
На десять тысяч. Там еще ты не был.
— Пусти!

Как напоминают эти строки стихотворение Владимира Набокова, где он говорит о видении зубчатого леса, словно - у горизонта и мечтает: "Я рванусь, и в чаще найду прежний дом мой земной, и, как прежде, дверь заплачет, когда я войду".

Ни иные звезды, ни заманчивые планеты не заменят герою родную землю - место, где он вырос. В "Третьей охоте" писатель повторяет: "Внизу между тем лес, похожий больше на мох. Речка, словно серебристая нитка. Около речки -- зеленая поляна. Какая-то букашечка там, среди поляны. Человечек! Он лежит на траве, раскинув руки, и смотрит вверх, в небо. Господи! Скорее туда, на землю, где трава и цветы".

Любопытно, что Солоухин не считает землю неподвижной. На писателя повлияли, нужно сказать, популярные в двадцатом веке гелиоцентрические теории.

"Земля - космическое тело", - заявляет он в очерке "Трава", а читателей сравнивает с космонавтами, совершающими очень длительный, но не бесконечный, полет вокруг солнца. "У меня есть корень в землю и побег в небо", - говорил Солоухин. Слово "побег" здесь имеет два значения .. Не только бегство от земных забот, но и рост, стремление вверх.

Вверх - то есть в будущее, которое, по мнению писателя, и связано с небом.

Поразмыслить можно: от чего бежал писатель? От скрупулезности и буквоедства бюрократов (как в рассказе о Степаниде Ивановне). От засилья всего нерусского в стране. От бытовых мелочей, складывающихся вместе и как бы закрывающих подлинный мир.

От пошлости и безвкусицы массовой культуры, в том числе и советской.

Но в то же время писатель не находит в себе силы расстаться с землей. Для него именно земля представляет собой центр мира. Здесь сосредотачиваются его самые заветные воспоминания. Здесь, а не на периферии, видит он красоту природы, видит он красоту человека.

Писатель не может разделить подчас распространенного среди его современников презрения к земле, презрения к человеку, к слову.

На вопрос Добролюбова - "И чем же искусство более возвышается - описанием ли журчания ручейков и изложением отношений дома к пригорку или представлением течения жизни человеческой и столкновения различных начал, различных интересов общественных?" - наверняка Солоухин бы ответил совсем не так, как это предполагал знаменитый критик.

Без родного дома, без знакомого журчания ручейка для него теряет смысл самая жестокая ошибка общественных интересов.

«Красота окружающего мира: цветка и полета ласточки, туманного озера и звезды, восходящего солнца и пчелиного сота, дремучего дерева и женского лица - отмечает писатель, - вся красота окружающего мира постепенно аккумулировалась в душе человека, потом неизбежно началась отдача»[104,48]. Как свидетельствует Е. Федосова, в этом высказывании Солоухин эстетически точно, в мельчайших деталях, отразил красоту окружающего древнего человека мира.

Соприкосновение человека с красотой рождает, по мнению писателя, две потребности: потребность общения с душой другого человека и потребность общения с небом. Потребность в общении с другими людьми, по мнению Е. Федосовой, В.А.Солоухин объясняет тождественностью первоосновы. «На земле одинаковая, в общем-то, одна и та же душа раздроблена на множество как бы изолированных повторений с множеством

наслоившихся индивидуальных особенностей, но с тождественно глубинной первоосновой". Первая потребность нашла якобы свое выражение в различных формах искусства.

Потребность духовного общения с небом тоже объясняется в философско-эстетическом ключе. Автор задает вопрос читателю: «Отчего происходит человеческая потребность духовного общения с небом, то есть с безпредельностью и во времени и в пространстве?» По мнению Е. Федосовой, ответ прост: человек - "частица безграничности и безпредельности" (?? - И.П.). Отсюда его потребность в вере. Что еще более может волновать русского человека, как красота Божьего мира и правда его...

Женщина, у которой в доме писатель увидел икону Икона «Казанской Божьей матери», при описании иконы использовала слово «немилосердная». Оговорка женщины позволила автору показать свое понимание красоты. Красота, по мнению Е. Федосовой, - это эффективный способ воздействия эстетического объекта (в данном случае иконы) на аудиторию.

Писатель наглядно показывает, что у красоты есть сила и власть. Так считает Валентин Пронягин, по свидетельству которого в период собирательства икон

Солоухин испытал на себе немилосердность красоты:

«Всякая красота есть власть, и власть непреложная, безоговорочная, повергающая к ногам своим либо поднимающая до себя. Красота есть то, чему невозможно противостоять, и, значит, она действительно немилосердна». "С этим изречением нельзя не согласиться", - замечает критик, и называет характерный признак соборности как явления – эстетический.

Красота, которая всегда если не одухотворена, то эстетична, обеспечивает единение с прошлым. Писатель испытывает удивительное чувство, когда открывает первый древний слой красок старинной иконы: «И тогда проглянула затаившаяся древность... целый океан красоты, целая культура, цивилизация».

"Владимиру Солоухину как писателю-очеркисту удалось зафиксировать, а как художнику слова образно показать духовную силу красоты, неисчерпаемое эстетическое богатство соборного идеала нашего прошлого, настоящего и будущего. С научной точки зрения писатель подчеркнул как факт, что православные традиции в нашей современной литературе и культуре не увяли, а трансформировались в новых исторических условиях в «скрытую» форму соборности, приобретающую эстетическое качество", считает Валентин Пронягин.

Архетипы произведений Солоухина, по мнению И. Грициановой, представлены не только матрицами древнерусской культуры (икона, храм, священные книги), но и образцами классики XIX столетия (живопись Рублева, Венецианова, Нестерова, Врубеля).

И концепт красоты как критерий эстетического и как структурообразующее начало в тексте произведений Солоухина выстраивает лексико-семантические ряды оппозиционных понятий «свой - чужой», «настоящий - ненастоящий», «святой - далеко не святой», «русский - космополит».

Одно из частых представлений о мире как таковом у Солоухина связано с образами играющих детей. В повести "Капля росы" Солоухин вспоминает такие поэтические строки: "Мальчики играют на горе". Смысл стихотворения, которое вспоминает автор, - в том, что на земле возникают и исчезают царства, проходят некие исторические эпохи, но, когда бы мы не посмотрели на обозначенное место, одно остается неизменным - игра детей.

Фигура мальчика как олицетворение непреходящего, вечности, примета горного мира, есть и в стихотворении Солоухина "А горы сверкают своей белизной" -

По теплой воде, по ручью дождевому
Топочет мальчонка, такой озорной!
Все дальше и дальше топочет от дому...
А горы сверкают своей белизной.

О детстве Солоухин написал так: "У человека самая яркая пора - детство. Все, что связано с детством, кажется потом прекрасным". Даже невзгоды, перенесенные в детстве. Это важное наблюдение Солоухина приводит читателя вот к какому выводу: по удалении от события по

временной шкале, она постепенно идеализируется в сознании человека, приобретает сглаженные черты. Как гениальная картина, всякое жизненное событие, вероятно, лучше всего видится на расстоянии.

Детство -- время, когда чутье души практически безошибочно (о чем писал Вл. Набоков). И время, когда не пристала к ней обидная шелуха дневных впечатлений..

С детством связано и представление о счастье. Одной из основных ценностей является для Солоухина человеческое счастье.

"Маша успела сходить наверх и принесла оттуда маленькую очаровательную черноглазую Настеньку. Ну прямо смородинки, а не глазенки. А щечки розовые и пухленькие. Веселенькая, выпавшаяся. Маша держала ребеночка на руках, и было в ней (как в каждой молодой и красивой матери) что-то от мадонны, и муж ее, тоже молодой и красивый, сидел рядом и не спускал с них спокойного, уверенного и счастливого взгляда".

"Человек создан для счастья как птица для полета", - говорил известный пролетарский писатель. Видимо, Солоухин с этим утверждением вполне согласен. "Что такое несчастье, знает всякий. А вот счастье? Счастье – это отсутствие несчастья. Хоть это и звучит банально, но есть еще понятие о счастье человека, – в принесении радости другим людям. Сколько людей на свете, столько и представлений о счастье".

Известно, что мир Солоухина начинается с села Алепина, почти о каждом из домов которого он подробно рассказывает в "Капле росы", с дороги на станцию Ундол, с описания окрестных красот природы.

То есть с Владимирской земли и ее окрестностей.

Так, в очерке "Продолжение времени" особо выделено место рождения художника Корина - Владимирская область. Как сообщает Владимир Солоухин, Корин родился «в прекрасных наших владимирских местах, среди некрикливой, но полной очарования и настроения природы с ее мягкими, ласковыми красками, с ее щемящей, но и радующей душу лирикой». По мнению Е. Федосовой, сообщение о родной земле позволяет писателю сделать признание в любви к родному краю, наполнив его лирическим описанием красоты природы владимирской земли.

Итак, писатель говорит прежде всего о любви к .. родине, к своей земле. Читатель его книг тоже чувствует ее.

«1958 г. 4 июня. ...С 2-х до 7-и стояли в Касимове. Купил в киоске книгу Солоухина «Владимирские проселки» и сразу увлекся ею, - пишет В. Молчанов, - Это очень в моем вкусе, близко к Паустовскому и в каком-то смысле даже лучше его. Страшно захотелось путешествовать так же, как и автор этой книги. Мой непривычный отдых в 1-м классе комфортабельного парохода начал уже тяготить меня. Простое созерцание берегов из окна каюты только дразнит меня³. Непреодолимо хочется ступить своей ногой на эти берега, уйти вглубь манящих лесов, соприкоснуться с этим глухим зеленым краем...»

Память писателя связана неразрывно с родной землей, здесь развиваются его самые трогательные, проникновенные лирические сюжеты.

Автор рассказывает только о том, что он пережил, почувствовал, что успел увидеть и полюбить на родной земле.

Одновременно с этим возникает в произведениях Солоухина тема крестьянского труда, труда во славу родной земли (чем крестьянский труд схож с писательским).

Солоухин как бы дает нам наказ - не забывать о своей родине, о своей земле.

И этот мир, по словам Солоухина, видимо безпределен.

"Воображение может поднять нас повыше колокольни, тогда вновь раздадутся горизонты и село, которое только что было вокруг нас, покажется как бы из игрушечных домиков, сбившихся в небольшую стайку посреди земли, имеющей заметную планетарную кривизну.

³ Однако, как и Набоков, Солоухин "проповедует" счастье созерцания. Созерцание - счастье, а человек, лишенный возможности созерцать чудеса, сотворенные Богом, испытывает страдание -

И чужда ты мирозерцания,
С панталыку сбита душа.

Мы увидим, что земля оплетена множеством тропинок и дорог. Те, что поярче, пожирнее, уводят к городам, которые с нашей высоты можно теперь увидеть.

Вон, заслонившись лесами, дымится промышленный город Кольчугино; вон посреди чистого поля, продуваемый полевыми ветрами, одноэтажный городок Юрьев-Польский; вон выглядывает из высокой ржи бесчисленными куполами да башенками город-заповедник, город-музей, сказочный город Суздаль.

Правее Суздаля, на холмах, громоздится и сам Владимир. Словно куски рафинада, сверкают издали окружившие старый город новые рабочие кварталы.

Мимо Владимира широко шагают по земле причудливые мачты высоковольтной передачи. Они шагают в Москву. Значит, поднявшись еще повыше, мы можем увидеть слева от нас туманное зеркало Волжского моря, перегороженное плотиной, а справа – зыбкие, как бы миражные очертания города Москвы".

Глаз не находит предела созданному миру, словно не находит его разгадки. Если подняться выше, можно увидеть тысячи сел, деревень и городов. В разные стороны растекаются реки, поблескивают капельки озер. Угадывается и синее марево юга, и «стеклянная хмарь Бухары», и зеленое мерцание полярных льдов (за полярным кругом Солоухин тоже был).

По другому говоря, мир неабстрактен, неотделим от жизни, так же как неабстрактно и неотделимо от жизни слово.

Описываемые события происходят здесь и сейчас. В мире, где не может произойти ничего большего, ничего сверхъестественного. Сюжет Солоухина в том и состоит, что описывает поступки автора, мальчишки, юноши или маститого уже писателя, живущего в знакомой ему среде, мире: который начинается в Алепине, и продолжается до больших городов, до южного побережья.

В этом знакомом мире как будто все принадлежит писателю: "Итак, была изба, и была улица. И все это было мое. А между ними, как самое главное, как самое радостное для этого дня, была подворотня, сквозь которую мне предстояло пролезть" (рассказ "Подворотня").

И этот мир - Родина, который, по словам Ольги Кожуховой, защищали как нечто большое, огромное, измерявшееся не годами истории, не целыми тысячелетиями, а одной своей собственной юной жизнью. Главной, неизбывной темой Солоухина

Ольга Кужухова называет Родину. И, если вдуматься, это главная тема и для любого другого русского писателя. С темой Родины связана тема детства. Она звучит и в "Капле росы", и во "Владимирских проселках": " .. мы пили родниковую воду и умывались почти благоговейно. А потом пошли по течению. Вода повела нас туда, где заплуталось во ржи да клеверах мое невозвратное золотоголовое детство».

Но так ли уж детство невозвратно? В этом начинаешь сомневаться, когда видишь, с какой живостью описывает его автор в "Капле росы".

Само мироздание, по мысли Солоухина, изначально поэтично.. В нем нет места абсурду. По Солоухину, даже видимый мир целен, в нем живые существа, растения, звезды - все как будто связано друг с другом.

И плескалась рыба у парома,
И цвели шиповника кусты.
И ночное небо, все в алмазах,
Говорило тихой глади вод:
"Неужель Алеша Карамазов .
По траве росистой не пройдет"

("Время собирать камни").

Писатель чувствует в мироздании некую гармонию. Даже осенние месяцы - сентябри и октябри, они тоже прекрасны, с листопадами в березовых рощах, с полосатыми рыжиками в молодых соснах, с хрустальными заморозками по утрам.

В рассказе "Мститель" описан погожий сентябрьский денек: "Денек стоял на редкость: тихий, теплый, сделанный из золотого с голубым, если не считать черной земли под ногами, на которую мы не обращали внимания, да на серебряные ниточки паутинок, летающих в золотисто-голубом. Главное развлечение наше состояло в том, что на гибкий прут мы насаживали тяжелый шарик, слепленный из земли, и, размахнувшись прутом, бросали шарик – кто дальше. Эти шарики (а иной раз шла в дело и картошка) летают так высоко и далеко".

И зимние месяцы - когда москвичи проводят время в своих домах, а писатель вместе с другом Сашей направляется на зимнюю рыбалку. И весна - южный ветер, влага и теплые дожди, омывающие озябшие ветки деревьев, землю... Когда еще день-два – и все вспыхнет яркими земными цветами.

Весной городские улицы особенно неприглядны. "На них особенно грязно, не прибрано, серо. Но на это как-то не обращаешь внимания, а видишь только, что весна и что снег рыхл, грязен вовсе не оттого, что посыпан солью, а оттого, что весна и сырой мягкий ветер. Не оттепель, а настоящий весенний ветер".

Весна -- особенно любопытное для писателя время. Именно весной происходят такие вещи, которые не происходят в другие времена года.

Весной село наполняется громким бляением овец, мычанием коров, криком возбужденных людей.

– Держи, держи ее! – кричит Иван Митрич своей жене, упустившей корову.

"Корова у них «благая», она вырвалась и теперь бегаёт, волоча за собой веревку, и не просто бегаёт, но то взбрыкнет задними ногами, то пойдет кругом, подняв хвост трубой, то метнется в сторону, как бы испугавшись чего-то и мотнув головой с широкими черными рогами. Овцы бегают стаями в панике, беспрестанно то бросаясь к своему двору, то удаляясь через прогон в поле.

Ягнята резвятся, подпрыгивая на месте сразу всеми четырьмя ножками и при этом как-то боком-боком перепрыгивая с места на место. Но вот издали раздаётся, наводя грозу и ужас, короткий могучий басок быка".

Е. Федосова выделяет в произведениях Солоухина "реальный" мир (эмпирический) и мир культуры. Это вряд ли справедливо. Для Солоухина было характерно единство мира и времени в его произведениях. Постепенно, начиная с детства, открывается перед ним красота мира. Постепенно он проходит путь к открытию прекрасного в природе и в культуре. И в каждом своем произведении писатель воссоздает мир. Об этом говорил еще Вл. Набоков, утверждавший, что мир, воссозданный в новом произведении, не похож на миры предыдущих.

Также замечено, что мир не возник самопроизвольно, - эту мысль Солоухин высказывает в "Камешках на ладони". Похожая мысль, кстати, высказывается Владимиром Набоковым - мир это не арена битвы хищных существ, а "подарок, еще не оцененный нами".

Этот мир понятен русскому человеку, как понятны сами сочинения писателя. Сочинения, в которых нет темных или двусмысленных мест. Сочинения, в которых нет отвлеченных от жизни, философских размышлений. Кроме того, мир Солоухина - это отнюдь не пространство холодного умствования, сухого псевдонаучного комментария к явлениям природы. Это мир живого истинного русского слова, которое само по себе является ценностью для писателя, ибо помогает ему как нельзя лучше выразить свою мысль.

Ведь холодное умствование и плоды его часто лживы, и так же холодны, оторваны от самой жизни. Ведь заменяет оно живые проявления вселенной - хотя бы в сознании читателя.

Стать писателем или даже исследователем невозможно, не представляя себе весь мир целиком. Иначе попытки выразить себя при помощи слова будут выглядеть наивными и неудачными. У любого хорошего писателя есть своя концепция мира и человека, которую он так или иначе дает в своих произведениях. И слово в этой картине отнюдь не играет

подчиненную роль⁴. Всякое удаление от истины, данной в слове, приводит к пошлостям и банальностям, которые противны природе человека.

Сюжет человеческой жизни выражается в слове. Не только сюжет здешнего, земного существования, но и сюжет экзистенциальный, или метафизический.

Здесь важно отметить, что слово означает не приближение к действительности, а саму действительность, как бы синоним существования человека.

И сознание человека, что удивительно, сохраняет память о пережитом в слове.

Для Солоухина важна прежде всего судьба его произведения как писательского творения. Солоухин не пишет свои произведения в угоду политической конъюнктуре, в угоду модным субкультурам, модным западным течениям. Он бережно относится к слову, и внимателен к каждой интонации своего творения. Поэтому читатель с радостью воспринимает его произведения, перечитывает их, понимает - с полуслова.

Так, в очерке "Трава" он размышляет о связи человека с природой:

"Какой-то восточный мудрец учил: если хочешь быть здоровым, как можно больше смотри на зеленую траву, на текучую воду и на красивых женщин. Некий практик захотел уточнить: нельзя ли ограничиться только третьим, а травой и водой пренебречь? "Если не будешь смотреть на зеленую траву и текучую воду, на женщин не захочется смотреть само по себе". Так ответил мудрец".

Также Солоухин цитирует Лукреция, "О природе вещей" (ту самую книгу, что упоминалась в картине "Большая перемена"):

Без дождей ежегодных в известную пору
Радостных почва плодов приносить никогда не смогла бы,
Да и природа, живых созданий корму лишивши,
Род умножать свой и жизнь обеспечить была бы не в силах.

Кроме того, в очерке "Трава" есть сделанные Борахвостовым выписки из Овидия, Флакка и Тибула.

Размышляет писатель и о любви, о взаимоотношениях представителей разных систем измерения.. Солоухин замечает, что в двадцатом веке к любви люди относились по-разному - "Посвятить женщине поэму и дать ей рубль. Преодолевать ради нее тысячеверстные расстояния и не проводить до троллейбусной остановки. Застрелиться из-за женщины и обложить ее .. (по матушке - И.П.)".

В любви человек, по мнению писателя, обретает единственную целостность, которая и придает смысл его существованию. Без любви многие вещи становятся бессмысленными, как, например, бездушный и бесчувственный, бесцветный набор букв: в, з, ы, з, ш, х, о, м, у, д, н, и, о, ы, р, а, д, с, в, к, о, у, ь, н, о, м, р, о, к, н, ж, ы, и, и, ж, у, ь, и, е, я, ж, у, ь, и, е, я, ж, с, ч, б, ш, ь, о, ч, н, х, а, т, и, у, с, п, ы, ж, я, н, е, м, ж, л, е, н, в, о, у, г, б, и, в, з, д, я, з, с, а, д, з, е, в, з, ю, о, е, о, г, и, п, р, ш, о.

"Увидим ли мы, читая эти буквы, какую-нибудь картину, тем более прекрасную? Услышим ли аромат темной горной ночи, ее тишину? Возникает ли перед нами мерцание звезд, почувствуем ли мы в гортани прохладу ночного свежего воздуха, а в сердце -- неизъяснимую тревогу и сладость?"

---

⁴ Эпитетами избалован современный читатель, считает Солоухин. А ведь слово - прекрасно само по себе, утверждает он в "Камешках на ладони": "Осень. Море. Трава". Неудивительно, что пришедшие к власти непременно пытаются обуздать слово, поставить его к себе на службу. Вспомним, как большевики в первые годы советской власти дали народу пук неологизмов, так или иначе связанных с новой властью.

В романе известного зарубежного писателя сказано: "Кто управляет прошлым - тот управляет будущим". Для любой власти важно и управление средствами массовой "информации" ..

Но вот буквы меняются местами, группируются, соответствующим образом комбинируются, и мы читаем, шепчем про себя, повторяем вслух:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит".

Так пишет Владимир Солоухин в очерке "Трава".

С природой, по мнению писателя, можно слиться и раствориться в ней, и это останется на всю жизнь обостренным чувством природы, ее прелести, ее красоты, ее души.

Особенность солоухинской прозы, по В. Пескову, - то, что в ней всегда просматриваются тонкое чувство и глубокие знания родной природы. Ничто не ускользает от внимания автора - ни синий сорняк-василек на ржаном поле, ни «наивный одуванчик» в лугах, ни гриб, поднявший на шляпке прошлогодние палые листья, ни шмель на цветке, ни норка мыши, ни паучок, летящий на серебристой нити...

По словам В. Пескова, в повестях «Капля росы», «Третья охота», «Трава» писатель дальше и глубже ведет нас тропой постижения мира, природы. Причем от Солоухина узнаем не только названия цветов и трав (это мог бы объяснить нам и хороший ботаник), писатель обращает наше внимание на красоту всего, чего касается человеческий ум и сердце. "Много мы узнали от Солоухина о грибах. «Как от бабушки», узнали не только их свойства - съедобные, ядовитые, мы узнали, как связаны странные эти растения со всей лесной жизнью, узнали, как грибы пахнут, как надо искать их, как правильно сушить, солить, мариновать, жарить и как, наконец, есть, к чему идут они за столом, какое питье им предшествует. В комнатке музея, посвященной памяти Солоухина, мы увидели самодельную машинописную книжечку с рисунками акварелью грибов и ягод. Это был читательский «самиздат» «Третьей охоты», присланный в благодарность писателю".

Биография писателя

Солоухин часто прослеживает путь человека на земле буквально с его рождения. В повести "Мать - и - мачеха" он пишет: "Появляясь на свет, человек в общем-то ничего не соображает. Он только орет, чем и утверждает свой приход на древнюю, но все еще не очень благоустроенную планету".

Помните, как один герой рассказа Чехова "Записки вспыльчивого человека" постоянно начинал свою биографию словами "Я родился в .."? Так вот, официально Владимир Солоухин родился 14 июня 1924 года.

Впрочем, когда Владимир подросток, его старшая сестра Катюша сказала: «Ты, Володя, родился на Духов день. Я помню, как папа повез тарантас за акушеркой. А это было 16 июня».

Солоухин был десятым, последним ребенком в крестьянской семье Алексея Алексеевича и Степаниды Ивановны Солоухиных. Еще в школе он писал стихи.

«Родился в 1924 году в июне, в селе Алепине в сорока верстах от Владимира, на берегу маленькой речки Ворци, - пишет Солоухин в автобиографическом очерке "Я шел по родной земле, я шел по своей тропе", - в крестьянской⁵ и, как бы написали чуть раньше,

---

⁵ "По внешности он типичный представитель тех мест, в которых родился и вырос. Я там неоднократно бывал, это не так далеко от Петушинского района, где мы проживаем летом. В каждом

патриархальной семье. Деревенское детство, начальная школа в родном Алепине (сто четырнадцать ребятишек из десятка окрестных деревенок), семилетка в соседнем селе Черкутине".

Дом Солоухиных самый справный в деревне - каменная подклеть, и на ней вторым этажом большое рубленое из бревен жильё. «Как дом уцелел в годы коллективизации? И хозяева уцелели...» - спросил В. Песков Анатолия Ивановича Ламонова, выращавшего вместе с Володей. «Народ не дал разорить Солоухиных. Уважали эту семью за доброту, трудолюбие, уживчивость. Они тут были примером для всех - сеяли хлеб, имели пасеку, маслобойку, всегда готовы были поддержать попавших в беду. Часть дома их все-таки реквизируют под медпункт. Но позже Володя часть эту выкупил, привел всё в порядок. И для всей деревни он сделал немало - хорошую по себе память оставил».

"Мой дедушка Алексей Дмитриевич держал два завода", - пишет Солоухин в книге "Смех за левым плечом".

"...Ну и ахнула вся аудитория, ну и гул пошел по рядам! А из общего гула, оттуда и отсюда, из разных углов и рядов прорезались не сочувствующие, нет, восторженно-визгливые реплики: «А я вам что говорил?!», «А я вам что говорила!», «Цацкались, нянчились... Николая Второго на палец надел – простили. Церкви стал защищать – простили. Икон у себя по всем стенам навешал – простили. В Париже с эмигрантами якшался – простили. В Загорске с патриархом и другими попами якшался – простили. Действительность нашу, счастливую, светлую действительность нашу в рассказах, повестях и очерках критиковал – простили. Стихотворение «Волки» написал, казалось бы, теперь-то можно было понять – все простили. Думали – случайные ошибки, временные заблуждения, а вот оно и открылось!»"

Впрочем, тут же писатель поясняет, что один дедушкин завод представлял внешним видом и габаритами обыкновенную деревенскую баню, стоящую в огороде среди крапивы и лопухов. Дрова все подкладывались и подкладывались в печь.

– Революция, революция! – кричал в это время старший брат писателя Николай и тотчас получал от деда крепкий подзатыльник.

Воск, произведенный на воскобойне Солоухиных, шел на церковные свечи. И на листы «искусственной вошины», необходимые каждому пасечнику.

На воскобойне единственным рабочим, кроме самого деда, был мой отец. Подраставшие сыновья, Николай и Виктор, помогали ему, а будущий автор только мешался и путался под ногами.

Второй - небольшой кирпичный заводик, в котором был один наемный рабочий. "Готовый сырой кирпич и готовый обожженный кирпич укладывали под драночными шатровыми навесами", - вспоминает писатель.

О семье своей так пишет Владимир Солоухин: "Дармоедов и бездельников не было в нашей большой семье. Даже дед Алексей Дмитриевич, которому по возрасту только бы так себе, поглядывать, как работают другие, а если помогать им, то разве лишь советом и общей распорядительностью, но даже и он со вставанья, то есть с рассвета, на ногах, на дворе, либо с метлой в руках, либо с вилами (перетрясти солому с сеном, чтобы получилась трясенка), либо около поленницы, либо хворост тяпает на чурাকে, либо воду достает из колодца... Хватало дела всем – и сыновьям и дочерям Алексея Алексеевича".

Одно из первых воспоминаний будущего писателя связано с путешествием в Караваево, в гости.

"Волосенки мне мать расчесет, штанишки, наденут новые, до колен. Носки и сандалии. Рубашка белая, с напуском. В нижний обрез рубашки продета резинка, и рубашка напущена на штаны. На голове беленькая панамка, а на шее из-под воротника рубашки – бордовый

месте, крае есть свой характерный, образный тип лица, сформировавшийся веками, под влиянием тех или иных природных и климатических особенностей и обстоятельств. Так вот Владимир Алексеевич был ярким представителем древнего Юрьев-Польского крестьянского края", - замечает, как бы между прочим, С. Харламов.

бант. В таком виде я и запечатлен на сохранившейся «караваевской» фотографии. Рядом сестра Маруся, девчонка тоже еще, лет десяти. Она старше меня на шесть лет. Следовательно, мне – четыре. У нее в руках цветы, золотые шары, а у меня лошадка на четырех колесиках, купленная тут же, на ярмарке".

Из сочинений Солоухина ясно, что интерес к русской литературе возник у него еще в детстве. Как замечает Солоухин, Степанида Ивановна знала наизусть довольно много стихов Некрасова, Сурикова, А. К. Толстого. "Не ветер бушует над бором...", "Поздняя осень, грачи улетели...", "Влас", "Где гнутся над омутом лозы...", "Колокольчики мои - цветики степные...", "Вечер был, сверкали звезды...", "Вот моя деревня, вот мой дом родной..." и многое другое в том же роде - " .. было мной схвачено и запомнено наизусть с материнского голоса в четырехлетнем возрасте".

В очерке "Аксаковские места" Солоухин пишет, вспоминая о детстве: " .. надо еще читать настойчиво рекомендованные в школе "Бруски" Панферова, "Красный десант" и "Чапаев" Фурманова, "Железный поток" Серафимовича, "Разгром" Фадеева... Да еще (уж без школьной рекомендации) - "Три мушкетера", "Отверженные", "Собор Парижской богородицы", "Человек, который смеется", "Таинственный остров", "80 тысяч километров под водой", "Всадник без головы", "Последний из могикан"... Да еще весь Джек Лондон, да еще "Борьба миров" и "Человек-невидимка"... Нет, как-то так получилось, что в первые пятнадцать лет моей жизни не дошел черед до Аксакова".

Как утверждает В. Еремина, в это время только что кончилась Гражданская война, впереди были коллективизация и безправность крестьян. В стране шла жестокая борьба с Церковью ... Взрывали церкви, разбивали колокола, "верующим запрещали иметь иконы и молиться" (?? - И.П.).

В книге "Смех за левым плечом" Солоухин рассказывает, каким образом их семью собирались раскулачивать, да в последний момент передумали - только отняли верхнюю половину дома.

"Итак, вынесли из дома и продали с торгов кое-какую мебель, нам оставили только «низ», то есть нижний этаж дома. Вверху, в комнате, где я когда-то родился, в так называемой «средней», разместилась контора вновь образовавшегося совхоза. Большую переднюю комнату пустили под клуб. От пребывания конторы в нашем доме у меня в памяти остались только густые клубы табачного дыма, в котором нельзя было, кажется, не только дышать, но и смотреть – драло глаза. Но все же дом не очень был приспособлен под контору, и вскоре они перебрались в другое помещение, в дом, перевезенный из другой деревни. Но клуб долго еще оставался в нашем доме, а так как все развлечение молодежи состояло исключительно в танцах, то так мы и жили внизу под чудовищное сотрясение всего дома далеко за полночь. Позже, когда подрос, я и сам принимал участие в этих вечерних гуляньях. Помню также, как среди ночи поднимался «на верх» заспанный, взлохмаченный отец (постаревший и одряхлевший уже), с каким недоумением он смотрел, как стадо молодежи кружится, орет частушки и топает в его доме. Они так расшатали весь дом, что пришлось им поневоле искать другое помещение. Перебрался клуб в бывший пожарный сарай. Так что последние годы мои старики жили в тишине и спокойствии, хотя и в расшатанном доме. Я, приезжая на каникулы, занимал весь верх, где читал или писал, тогда еще при керосиновой лампе".

О своей юности Солоухин рассказывает немного. Сведения о ней можно почерпнуть лишь в «Капле росы» да в романе «Мать – и – мачеха». Сказано, например, что в юности автор играет в .. лото.

"Ну... в лото много не проиграешь. Ставили на кон, помнится, по 2 копейки с карты. Взрослым парням как-то не пристало бы корпеть над картами лото вместе со старыми да малыми, и парни, собираясь отдельно, резались в очко, в двадцать одно, там уж и деньги ходили другие, и азарт был другой. Однако и мы, мальчишки-лотошники, очень скоро нашли более быстрый и, можно бы сказать, радикальный способ игры. Ставили на кон, скажем, по пятачку. Затем каждый по очереди лез в мешок слотошными фишками и вытаскивал одну фишку. У кого фишка оказывалась «старше», тот и брал кон. Вся процедура занимала

считанные секунды. Ну, а на кон можно уговориться ставить по пятаку, а можно и по гривеннику, а можно и больше. Однажды во время такой игры я проиграл все свои денежки". Будучи без денег, Солоухин решил позаимствовать несколько монеток у своего отца.

И это очень скоро было замечено.

"Тут надо сказать, что в нашей семье никогда детей не били. За какую-нибудь провинность отец жесткой своей, заскорузлой, тяжелой ладонью пахаря и косца смажет несильно по затылку – вот и все наказание. Мать, если понадобится сделать то же самое, хлопала ладонью по мягкому месту. Это уж был не подзатыльник, а подплесник. И был однажды курьез. Моя сестра (и крестная) Валентина прикрикнула на меня за что-то: «Сейчас получишь белый подплесник». Белый, наверное, означало – по голому мягкому месту. Слова «подплесник» я тогда, значит, не понимал. Мне вообразилось нечто белое, творожное, вкусное, либо белое, печеное вроде блина, лепешки. Я полдня, к потехе всех домашних, приставал к Валентине и выпрашивал: «Дай белый подплесник, ну, дай белый подплесник!»

И вот решили меня по-настоящему выпороть.. Мать предупредила меня, что сейчас начнет бить, сказала, за что, и била скрученным полотенцем. Била и сама рыдала, плакала больше, чем я. Помню, что это было совсем не больно (подумаешь, скрученное полотенце, не полено, не плетка, не ремень)".

Затем Солоухин учится во Владимире, где начинает сочинять стихи и даже публиковать их в газете «Призыв». «Не хотелось идти на завод работать технологом, а хотелось писать стихи», – говорил он впоследствии.

В июле 1942 года Солоухин заканчивал механический техникум, жил в студенческом общежитии и готовился к защите диплома.

В это время Солоухину пришла в голову мысль - не пойти ли на базар, поторговать там листами папиросной бумаги. На эту мысль его, нужно сказать, натолкнул сосед по общежитийской койке Витька Разумов.

Однако на базаре Солоухина задержали двое в штатском, причем один из них назвался комиссаром милиции. Затем состоялась беседа со следователем.

— Да вы-то ее где взяли? Не фабрика же у вас? - спрашивал следователь, интересуясь происхождением бумаги.

Солоухин отвечает, что это его бумага и она досталась ему от сестры.

Затем в коридоре он встречает Витьку Разумова, который снабдил его бумагой, и который тоже вышел торговать ею на базар, и тоже попался. Солоухин успевает ему шепнуть, что он сказал, будто бумага его, и чтобы Витька держался того же. После чего следователь устраивает Витьке и Володе очную ставку.

— Значит, это ваша бумага? — обращается к Солоухину следователь.

— Да, моя.

— Значит, это не его бумага?

— Нет, не его, а моя.

— Ну, хорошо. Его я освобождаю, а вам придется сидеть у нас.

— Как сидеть? Сколько времени? У меня защита диплома через пять дней, я не могу тут сидеть.

— До суда. Недели две-три.

Солоухина помещают в карцер. Ему приносят еду, но наш герой отказывается принять пищу.

— Ну, чего ты там протестуешь? Объявил голодовку... - замечает ему при следующей встрече следователь - Подумаешь, год-два лагерей, даже лучше, не попадешь на фронт, уцелеешь. Ладно. Я считаю, что ты человек социально не опасный, поэтому освобождаю тебя до суда. Дашь подписку о невыезде из города.

Больше всего Солоухина поразило, что ему вернули деньги, вырученные за бумагу. Их оказалось восемьдесят семь рублей. А позже пришла повестка - но не в суд, как того ожидал автор, а в военкомат.

Да, летом 1942 года Солоухин закончил Владимирский механический техникум авиационной промышленности. В дипломе значилось: «Технолог по инструментальному производству»..

Девушек направили в Москву, на завод, а юношей, как было уже замечено, в военкомат... "Помню, что за длинным столом сидело несколько человек (пожалуй, не меньше семи), а еще один человек с краю стола держал перед собой списки с нашими фамилиями и разграфленные листы бумаги. После осмотра он записывал каждого из нас в ту или иную графу и тем самым решалось, кто в какую часть попадал, в какой род войск, куда, — решалась судьба. Мы шли гуськом, конвейером, непрерывным потоком".

И вот в этой обстановке Солоухин решил пошутить и наудачу процитировал .. нет, не Игоря Акинфеева, а строчку из стихотворения Александра Блока.

Тотчас же на это обратил внимание какой-то стричок из комиссии, и Солоухина записали в отдельную графу.

Всех ребят, призывавшихся вместе с Солоухиным, увезли, а он недели две жил один в опустевшем общежитии. Наконец будущего писателя позвали вторично.

Человек в штатском посадил его в обыкновенный пассажирский поезд «Нижний Тагил — Москва», и ехал вместе с ним до Москвы в обыкновенном пассажирском вагоне. По Москве они вдвоем довольно долго шли пешком и оказались на Красной площади. "Там, возле Никольской башни Кремля, сопровождавший человек сказал, чтобы я подождал на улице, а сам вошел в пристроечку, на которой висела небольшая вывеска: «Бюро пропусков».

— Все в порядке, — сказал человек, возвратившись, — сейчас за вами придут.

Действительно, вскоре из Никольских ворот вышел военный с одной шпалой в петлице (капитан Песочников — зачем-то запомнилась мне его фамилия) и спросил, оглядев меня с головы до ног:

— Это вы и есть наш новобранец?"

Солоухин прожил за кремлевской стеной сначала курсантом полковой школы, а затем командиром отделения (в звании сержанта) до июня 1946 года, когда его демобилизовали. К этому времени он уже стал публиковаться в московских газетах.

Итак, Солоухин четыре года служил в Кремле, в ПСН (Полку специального назначения). Сначала окончил там полковую школу, потом был командиром отделения. А воинское звание, до которого он дослужился, — сержант.

О времени службы Солоухина в Кремле ходили легенды, например, Сергей Довлатов в своих «Записных книжках» («Соло на IBM») приводит следующий «апокриф» (дело происходит в 1953 году, в то время как Солоухин демобилизовался из армии в 1945-м):

"Было это ещё при жизни Сталина. В Москву приехал Арманд Хаммер. Ему организовали торжественную встречу. Даже имело место что-то вроде почётного караула.

Хаммер прошёл вдоль строя курсантов. Приблизился к одному из них, замедлил шаг. Перед ним стоял высокий и широкоплечий русский молодец.

Хаммер с минуту глядел на этого парня. Возможно, размышлял о загадочной славянской душе.

Всё это было снято на киноплёнку. Вечером хронику показали товарищу Сталину. Вождя заинтересовала сцена — американец любит русский богатырём. Вождь спросил:

— Как фамилия?

— Курсант Солоухин, — немедленно выяснили и доложили подчинённые.

Вождь подумал и сказал:

— Не могу ли я что-то сделать для этого хорошего парня?

Через двадцать секунд в казарму прибежали запыхавшиеся генералы и маршалы:

— Где курсант Солоухин?

Появился заспанный Володя Солоухин.

— Солоухин, — крикнули генералы, — есть у тебя заветное желание?

Курсант, подумав, выговорил:

— Да я вот тут стихи пишу... Хотелось бы их где-то напечатать.

Через три недели была опубликована его первая книга — «Дождь в степи»".

Солоухин вспоминает, что в 1945 году забрел на занятия самого большого и интересного тогда Литературного объединения. "Проводящими занятия там можно было видеть Луговского, Тихонова, Сельвинского, Антокольского, Щипачева, Коваленкова, а участвующими в занятиях Луконина, Межирова, Гудзенко, Михаила Львова, Юлию Друнину, Недогонова, Наровчатова, Павла Шубина, ну и более молодую поросль.

Удивительно не то, что я чему-то научился на занятиях этого Литобъединения, что-то узнал там и понял,- удивительна та быстрота, с которой произошли психологические и прочие перемены. От стихов, о которых мне теперь как-то не хотелось бы и вспоминать, за несколько недель я проскочил путь к стихам, которые мечтал бы написать теперь; приблизившись к шестидесятилетнему возрасту, приходится признаться, что в юности поэту как бы шутя, как бы сами собой удаются такие вещи, достичь которых он стремится потом всю жизнь, обогащаясь знаниями и накапливая опыт. Обращаясь к самой ранней лирике, я вижу, что, конечно, тогда я не смог бы написать "Венок сонетов", как и многие более поздние стихи (скажем, "Лозунги Жанны д'Арк"), но зато никогда и не возвратит уже той печати непосредственности (пусть граничащей с наивностью), которая лежит на первых стихотворениях и которая, может быть, дороже в поэзии благоприобретенного опыта и умения".

"Дождь в степи", по словам писателя, фактически его первое стихотворение, опубликованное в "центральной" печати в июне 1946 года. С этим стихотворением он поступал в Литературный институт, оно было первым публичным выступлением на большом вечере поэзии в Центральном Доме литераторов в 1947 году. "Дождь в степи" - называлась первая стихотворная книжица Солоухина в 1953 году. "Это мой дебют и мое, так сказать, крещение. Поэтому стихотворение "Дождь в степи" открывает четырехтомник. "Как выпить солнце" - особый раздел не только в этом издании, но и в биографии поэта".

"Дождь в степи" -- - "фактически мое первое стихотворение, опубликованное в "центральной" печати в июне 1946 года. С этим стихотворением я поступал в Литературный институт, оно было моим первым публичным выступлением на большом вечере поэзии в Центральном Доме литераторов в 1947 году».

Сборник стихов, вышедший в 1953, определил главную тему его творчества – патриотическую преданность родине, ее истории, неповторимой природе. "Вбирая новые мотивы и лирические сюжеты (в т.ч. любовные и особенно гражданские – патетический цикл «Друзьям»), станова́я поэтическая тема получила развитие в многочисленных сборниках стихов: «Разрыв-трава», «Журавлиха», «Имеющий в руках цветы», «Жить на земле», «Не прячьтесь от дождя», «Венок сонетов».

Итак, через год после окончания войны в «Комсомольской правде» было опубликовано первое стихотворение Солоухина. Солоухин в двадцать с небольшим опубликовал первые стихи именно в «Комсомольской правде», что по тем временам можно было считать достижением. Далее – Литинститут, первые сборники стихов и прозы, возрастающая известность сначала в писательском, а затем и читательском мире.

Ольга Кожухова вспоминает жаркий сентябрьский день в Москве, на Тверском бульваре, сразу после войны. "Перед домом, где помещается Литинститут, на скамье, в тени кленов сидит парень в повыцветшей гимнастерке и читает стихи. Льяные белесые волосы парня еще коротко стрижены под машинку – солдат! А говор ядреный, на «о», деревенский, слова крепкие, круглые, очень крупные в этом чтении, они как-то особенно выпукло, достоверно освещают все то, что читает солдат в гимнастерке со следами погон. В такт рубленным строчкам и взмах крепкой, крестьянской тяжелой руки:

О, если б дождем
Мне пролиться на жито,
Я жизнь не считал бы
Безцельно прожитой!"

Солоухин учится в литературном институте. Впрочем, к творчеству своих однокурсников он относится часто скептически.

"В университете Геля начала писать стихи. Это были типичные стихи филологички, - пишет он в повести "Мать - и - мачеха", - Их ведь всегда отличишь и выберешь из десятков других стихов. Умные, с точными формулировками, как бы чем-то интересные, но, в сущности, выхолощенные, рассудочные, бескровные, они отличались от настоящих стихов так же, как бутафорская глиняная разрисованная колбаса за стеклом витрины отличается от куска колбасы".

Так же как и к поэтам, ими почитаемым.

"Молоденькие поэтессы, студентки-филологички смотрели на него (Сельвинского) замороженными глазами, и мне, тогда двадцатилетнему солдату, казалось странным, что на подобного старика можно смотреть восторженно и влюбленно".